

§ 9 ВНЕШНИЙ КОНТУР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Карпович О.Г.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЯХ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Аннотация: Аннотация В настоящее время внимание западных и российских исследователей привлекает один из видов политического процесса – демократизация. Это объясняется тем, что за последние несколько десятилетий во многих странах мира произошло падение авторитарных режимов и начались попытки утверждения институтов демократизации. Один из исследователей данной проблемы – С. Хантингтон – назвал этот процесс «третьей волной демократизации», которая охватила значительное число стран. Тем не менее, следует заметить, что история стран, переживших третью волну демократизации, частично опровергает выводы С. Хантинтона. Их политическое развитие показало противоречивость и неоднозначность данного процесса. Ярким примером, иллюстрирующим это утверждение, стала оборотная сторона демократизации – установление тоталитарных и авторитарных режимов в странах бывшего СССР.

Ключевые слова: Политология, национальная безопасность, политика, международные отношения, демократизация, демократия, либерализм, национальные интересы, Россия, США

С. Хантингтон, рассматривая процесс демократизации с точки зрения мировой демократической революции, автор отметил, что начиная с 90-х годов «демократия рассматривается как единственная легитимная и жизнеспособная альтернатива авторитарному режиму любого типа».¹

С. Хантингтон полагал, что наступление первой волны связано с распространением демократических идей в США в XIX в.; эта волна продолжалась до окончания первой мировой войны (1828-1926). Однако, за ростом демократизации, последовал ее спад. Первое «отступление» произошло в 1922 – 1942 гг. Наступление второй волны демократизации ознаменовалось победой над национал-социализмом и укреплением демократии в Западной Германии, Японии и Италии. Эта волна продолжалась до середины 60-х гг. XX века (1943-1962). Спад этой волны пришелся на период между 1958 и 1975 г. В 1974 году

начинается подъем третьей (современной) демократической волны, началом ее считается падение с салазаровской диктатуры. Волна распространилась на страны Южной Европы (Испания и Греция), Латинской Америки. К 80-м гг. демократизация достигла ряда стран Азии, Центральной и Восточной Европы, и СССР.

Значительное число исследователей не умаляют волнового характера демократизации и полностью соглашаются с периодизацией С. Хантинтона. Стоит отметить, что при всем этом ученые говорят об отличительных особенностях третьей волны, которые подтверждают сложность и многозначность данного процесса. Такими особенностями стали следующие:

1) специфичность итога: «демократические транзиты» последней волны так и не завершились созданием консолидированных демократий;

2) множественные отличия первоначальных характеристик трансформирующихся политических режимов: от классических авторитарных и военных хунт в Латинской Америке до посттоталитарных режимов в Восточной Европе;

3) наиболее благоприятная международная ситуация.

¹ Харитонова О.Г. Генезис демократии (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей) // Полис. 1995. № 5. С. 70--79.

Внешний контур национальной безопасности

Среди исследователей нет единого подхода к определяемой терминологии. В большинстве случаев «демократизацию» определяют как переход от недемократических форм правления к демократическим. Отметим, что достаточно широкое использование этого понятия для рассмотрения разных видов общественных трансформаций, связанных с демократическими волнами, не может быть оправдано в полной мере: демократизация не всегда ведет к утверждению современных форм демократии. Некоторые ученые используют понятие «демократического транзита», которое не предполагает обязательного перехода к демократии, но указывает на то, что демократизация – это процесс с заданным вектором, но непредсказуемым итогом. По этой причине они выделили демократизацию как предпосылку и причину появления демократических институтов, практик, объединительный потенциал демократии как один из возможных итогов демократизации, которые предполагает установлению современной демократии путем закрепления основ институтов демократии, ценностей и практик.

В современной политической науке есть множество подходов к определению и изучению факторов демократизации. Мельвиль А.Ю. предложил рассмотреть теорию демократизации в границах двух подходов: во-первых – структурного, который опирается на анализ структурных факторов, во-вторых – процедурного, который ориентирован на процедурные факторы (таких как выбор, последовательность решений и действий политических акторов, от которых напрямую зависит данный процесс).²

Представители структурного подхода (С. Липсет, Г. Алмонд и С. Верба, Р. Инглхарт, Л. Пай и др.) пытались проследить зависимость между определенными культурными и социально-экономическими факторами и вероятностью утверждения демократических режимов в разных странах. Такая зависимость понималась именно как структурная предпосылка демократизации, т.е. обусловленная воздействием на нее объективных общественных элементов и структур, а не субъективными предположениями и действиями участников политического процесса.

Выделим несколько главных типов структурных предпосылок демократии:

1) становление национального единства и национальной идентичности;

2) достижение определенно значимого уровня экономического развития;

3) массовое распространение ценностей, культурных норм, которые напрямую предполагают принятие демократических принципов, доверительное отношение к основным политическим институтам, чувство гражданской ответственности и т.д.

Однако, отметим, что в перечне условий демократии в современном научном сообществе не вызывает вопросов только один пункт – национальное единство и идентичность, которые ей предшествуют. По поводу других положений есть веские аргументы «против». Недоумение критиков вызывает тезис о строгой зависимости демократии и уровня социально-экономического развития, который не выдерживает критической доказательной базы и обширного фактического материала. В современном мире есть государства с высоким уровнем экономического развития, но относящиеся к недемократическим режимам (Сингапур). Так же, мы можем выделить страны с вполне устоявшимся демократическим типом отношений между политическими институтами и иными акторами, где, тем не менее, заметен колоссальный уровень бедности и наличествует традиционная система социальных структур (Индия).

Подчеркнем, что давая характеристику культурным ценностям, как условию возникновения демократии, они, тем не менее, создают комфортные условия формирования устойчивой и стабильной демократии. Однако, как в свое время отметил Мельвиль А.Ю., такие предварительные условия и наличие корреляций – не одно и то же.³ Структурные условия, которые предвосхищают появление демократии – те, без наличия которых демократический переход не может быть осуществлен. Корреляция представляет собой необязательную предпосылку, а лишь фактор, ускоряющий или замедляющий процесс демократизации.

Подобное несоответствие по отношению к универсальному и обоснованному пониманию модели с конкретными социокультурными предпосылками демократии, привело к возникновению процедурного подхода (Г. О’Доннелл и Ф. Шмиттер, Дж. Ди Палма, Х. Линц, Т. Карл). Его представители опирались на изучение эндогенных факторов демократии. По их мнению, действия акторов, инициирующих демократию и выбор определенной стратегии, необходимы для исхода данного процесса. Тем самым нивелируется

² Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты. М., 1999.

³ Там же.

значение существующих к моменту его начала предпосылки демократии. Процедурный подход объяснил демократизацию путем взаимодействия конкурирующих элитарных групп, которые делают выбор организационных форм и институтов нового политического устройств, в процессе «политического торга».

Линц Х. и Степан А. выделили факторы, которые необходимы для укрепления и консолидации демократического процесса. Они выделили факторы, которые являются результатом конкретных преобразований:

1) активно протекающий процесс формирования гражданского общества посредством обеспечения взаимодействия государства и независимых общественных групп и объединений;

2) развитие демократических институтов и процедур;

3) развитие правового государства;

4) установление и эффективное функционирование государственного бюрократического аппарата, который новая демократическая власть может использовать в своих целях;

5) развитие общества, ориентированного на рыночную экономику, предполагающую активное индивидуальное участие (предпринимательство), посредством создания системы социальных институтов и норм, осуществляющих посредничество между государством и рынком.⁴

Как полагает другая часть исследователей, между структурным и процедурным подходами нет глобального противоречия. По их мнению, они взаимодополняемы, так как анализируют разные стороны одного и того же явления. Как считает А.Ю. Мельвиль, возможен синтез этих двух методологий.⁵ Но концептуальное объединение этих методологических подходов, тем не менее, современными политологами воспринимается неоднозначно.

Рассмотрим вопрос о международных условиях демократизации, объединив основные точки зрения на процессы демократизации в рамках обоих вышеупомянутых подходов. Итак, структурный подход утверждает необходимость наличия ряда факторов, наличествующих в структуре общества, готового к трансформационным процессам в направлении демократизации, а именно:

⁴ Linz J., Stepan A., Problems of Democratic Transition and Consolidation. – Baltimore, London, 1996. P. 58.

⁵ См.: Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты. М., 1999.

1) Переход от аграрного общества к индустриальному с последующим формированием социальной структуры нового типа, где в центре будет фигура предпринимателя, – человека, созидającego блага самостоятельно и стремящегося к улучшению условий собственной жизни (Мур, Стивенс, Рушмейер).

2) Необходимость формирования государственности, эффективной в современных условиях, а также государственное единство и национальная идентичность. Это условие определялось как главное Растоу, Линцем и Степаном, Фукуямой, Мэнсфилдом и Снайдером. Но здесь отдельно нужно рассмотреть возможность привнесения развития извне. При отсутствии определенной платформы для этого, т.е., определенного уровня развития, могут возникнуть проблемы.

3) О необходимости высокого уровня экономического развития как об основном условии демократии, говорят многие исследователи, а основоположником этой модели является М.Липсет.

4) Доминирование политической культуры «гражданского» типа (Алмонд и Верба) – один из основных аргументов. Но здесь нужно учесть, аргумент, ряд исследований в данной сфере показал, что переход к демократии может начаться и в ситуации, когда гражданское общество не развито или развито относительно слабо.

5) Фактор отсутствия в обществе остро выраженных расколов на социальной, этнической, религиозной почве или на основе территориальных разногласий. Также имеет значение отсутствие слишком сильной фрагментации общества (Д. Широ).

6) Экономика, основанная не на ресурсах, а на производстве (Хантингтон, Росс, Трейсман).

7) Протестантизм с его религиозными традициями. Также, позднее, католицизм. По мнению ряда ученых, именно это создало почву для свержения ближневосточных авторитарных режимов (Фиш, Даймонд, Элштейн).

8) Качественное функционирование государственных институтов, обеспечивающих стабильность и эффективность демократии (Норрис, Шарма, Полтерович и Попов).

9) Относительно слабая дифференциация по имущественному признаку, т.е. небольшой разрыв между богатыми и бедными (Ванханен).

10) Международное воздействие на изменения существующих режимов, в отдельных государствах или в группах государств (Копстейн и Рейли, Певехаус, Барнелл, Ванханен)..

Внешний контур национальной безопасности

Второй подход, процедурный, акцентирует внимание на субъективных факторах (О’Доннелл, Шмиттер, Пшеворский, Линц и Степан, Коломер, Ди Палма):

1) Характер трансформационного процесса при переходе от авторитаризма к демократии и его особенности.

2) Особенности институтов, создаваемых при трансформации.

3) Взаимоотношения с оппозицией, и старой, которая зачастую может сохранять сильный вес, и с формирующейся новой.

4) Особенности проведения первых (при новой системе) выборов.

5) Ротация властных структур.

6) Уровень реальной политической конкуренции.

7) Поддержка/неприятие властью плюрализма.

8) Качество и прозрачность выборов.

9) Применение/неприменение властью либо оппозицией методов силового воздействия.

10) Наличие эффективных ограничителей власти, т.е. институтов и законодательной базы.

Таким образом, описание разных подходов доказывает, что процесс демократизации – это сложная и многогранная категория, которая является предметом научного спора.

Наиболее ярким примером российского подхода к построению демократического мира (а, следовательно, и демократизации) является видение Россией ситуации на Ближнем Востоке. Следует отметить, что в целом, какой-либо четко выработанной единой концепции, по которой Россия предполагает выстраивание внешнеполитической стратегии на ближневосточном направлении, наподобие американской, у страны нет. Есть представление о том, какие было бы желательно выстраивать отношения со странами региона, есть прогнозы относительно возможных ситуаций в этих странах и представления о перспективах развития отношений с ними в случае, если эти прогнозы сбудутся. Хотя, как показывают события «Арабской весны», прогнозы – все же дело очень сложное, в случае, если дело касается Востока. Так, например, министр иностранных дел России С.В. Лавров заявлял в одном из интервью, что хоть проблемы и копилась в течение очень долгого времени, хоть всем, в первую очередь, лидерам самих арабских стран было о них известно; что проблемы касались не только экономики, а затрагивали и многие другие сферы жизни, – даже они не подозревали, что это может взорваться, как

мина замедленного действия. Также, по его мнению, правящие режимы этих стран в результате двадцати– тридцатилетнего пребывания у власти настолько утратили чувство реальности, что даже накопленный десятилетиями опыт не помог в решении проблем. Он охарактеризовал произошедшее как «ожидаемая неожиданность»⁶. И, стоит заметить, что он подчеркнул позитивную направленность политики США, которую те демонстрировали еще до указанных событий – они неоднократно указывали ближневосточным лидерам на накаливавшуюся обстановку в их странах и предлагали свою помощь в решении этих проблем. Также в этом участвовали и другие страны «Большой восьмерки».

Также предсказуемость данного явления предсказывали и другие российские исследователи. Так, Директор Института востоковедения РАН В.В. Наумкин отметил, что новым явлением здесь можно назвать только то, что двигателем здесь «стало неинспирированное внешним воздействием спонтанное светское массовое движение молодежи, преимущественно образованной и либерально настроенной, что особенно ярко проявилось в Египте и Тунисе»⁷.

Кроме того, существуют исследования реакции России на конфликт правительства и оппозиции в зависимости от того, в какой стране эти события происходят. Так, Маргарете Кляйн, сотрудник Германского института международной политики и безопасности, выделила 3 типа реакции российских властей на события в разных государствах ближневосточного региона⁸. 1-й тип: невмешательство и наблюдение, как это было с Египтом, Тунисом, а также Бахрейном и Йеменом. 2-й тип: относительно нейтральная позиция без активной поддержки какой-либо из сторон, но с выражением позиции по рассматриваемому вопросу на уровне

⁶ Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова руководителю авторской программы «Актуальный разговор» телекомпании «3 канал» В. Соловьеву // Сайт МИД РФ, 13.03.2011. Режим доступа: http://www.mid.ru/bdomp/Brp_4.nsf/arh/E35AC8110082ABCBC3257852004AF20E?OpenDocument

⁷ Наумкин Виталий. Снизу вверх и обратно. «Арабская весна» и глобальная международная система // Россия в глобальной политике, 02.08.2011. Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Snizu-vverkh-i-obratno-15277>

⁸ Кляйн Маргарете. Россия и «арабская весна»: внешне- и внутривластные задачи // SWP-Aktuell, 04.01.2012. P.5. Режим доступа: http://www.germania-online.ru/uploads/media/swp_arabischer.ru.pdf

представителей органов исполнительной власти, как это было в Ливии. Отказ от позиции стороннего наблюдателя был связан с тем, что конфликт перешел в боевые столкновения и вовлек в себя иностранных участников. 3-й тип: Россия занимает конкретную сторону в этом конфликте и идет на конфликт с другой. Пример – Сирия и режим Б. Асада. Конфликт же здесь не только с Западом, но и с Лигой арабских государств, которая также выступает на стороне оппозиции. Здесь необходимо заметить, что в ряде конфликтов, например, в сирийском, Россия предлагает свое участие в качестве посредника при урегулировании отношений. Но не всегда инициатива получает ответ. В случае с Сирией мы наблюдаем абсолютное нежелание самих сторон вести переговоры, направленные на конструктивное взаимодействие.

Как мы видим, какой-либо одной базовой стратегии внешней политики у России по отношению к региону в целом нет. Но отсутствие универсальности не означает отсутствие конструктивности в подходах, реализуемых по каждой стране в отдельности. Что касается непосредственно вопроса о демократизации, то здесь также нельзя сказать, что отсутствие единой концепции по развитию демократии в странах Ближнего Востока отрицает желание России способствовать преобразованиям, которые явно требует общество в этих странах. Россия во всех ситуациях проявляет понимание протестующих, признает обоснованность и справедливость провозглашаемых ими требований, старается выстраивать отношения с новыми правительствами этих государств и заявляет о давно назревшей необходимости реформ, направленных на либерализацию всех сфер жизни. Также, как и Соединенные Штаты, Россия неоднократно выражала озабоченность перспективой прихода к власти исламских радикалов. Как выяснилось, небезосновательно (в случае, например, с Египтом).

Рассмотрим отношения Российской Федерации с каждой из стран региона, выстраиваемые после смены там политического режима. Пожалуй, наиболее спокойную реакцию вызвала смена власти в Тунисе. Отставка правительства, последующие выступления, парламентские выборы, на которых победу одержали умеренные исламисты и президентские выборы, увенчавшиеся победой правозащитника Монсефа Марзуки, были откомментированы представителями российских властей в сдержанно-позитивном ключе. Также в заявлениях демократические тенденции увенчаются успехом.

В общем, схожим образом развивались отношения и с Египтом в период смены власти. Россия последовательно выстраивала отношения и с переходным правительством, и с избранным парламентом и президентом Мухаммадом Мурси. Во время кризиса и после него российское руководство выражало надежду на скорейшую стабилизацию обстановки, и потому даже осудило возможность казни предыдущего президента Х. Мубарака, т.к. он своей отставкой предотвратил возможное кровопролитие. Пожелания России также всегда были направлены на демократический выбор Египта.

В случаях Бахрейна и Йемена Россия поддержала ввод войск ЛАГ, но это также нельзя назвать противоречащим демократической парадигме внешней политики РФ в регионе, т.к. и в том, и в другом случае ввод силовых подразделений оговаривался с действующими правительствами, а в случае с Йеменом – и с оппозицией. Также Россия выступила за уход йеменского президента со своего поста, но связано это было с тем, что страна находится в сложной ситуации: она входит в число самых бедных стран мира, к тому же там имеют свой лагерь террористические организации, такие, как «Аль-Каида», и затяжной кризис власти мог бы вызвать негативные последствия для региона. Здесь еще нужно помнить о роли России как посредника при выстраивании диалога между представителями различных сторон конфликта, от политических сил до племен.

В случае с Ливией все складывалось гораздо сложнее. Если мы вспомним начало противостояния властей и оппозиции, то выяснится, что вначале Россия не только выступала с осуждением действий лидера Джамахирии за применение военной силы и нежелание идти на переговоры, но и выступила с поддержкой резолюции Совбеза ООН №1970, вводившую эмбарго на поставки оружия и другие санкции против режима М. Каддафи. Более того, источники в Администрации Президента Д.А. Медведева сообщали, что был момент, когда тот склонялся к подписанию антиливийской резолюции⁹. В итоге, в результате достигнутого компромисса, Россия поддержалась при голосовании по Ливии. Причин того, что Россия не воспользовалась своим правом вето было много: от той, что Ливия никогда не являлась для России ключевым партнером в регионе до нежелания портить отношения с США. Кроме того,

⁹ Габуев Александр, Соловьев Владимир. Россия гнет свою Ливию // Коммерсантъ, 21.03.2011.

Внешний контур национальной безопасности

спасать режим М. Каддафи смысла уже, очевидно, не имело – поддержки он не имел ни внутри страны, ни за ее пределами. Россия критиковала также и действия союзников оппозиции, т.к. быстро сместить непопулярного лидера не удавалось и конфликт повлек за собой жертвы и разрушения. Но позже Россия смогла достичь договоренностей и с новым руководством.

Пожалуй, только в случае с Сирией, позиция России определенно направлена на поддержку правящего режима. Причин у этого также много: от крупных экономических интересов, гуманитарных контактов и наличия единственного в Средиземном море пункта материально-технического обеспечения ВМФ России, находящегося в г. Тартус до нежелания обострения межэтнической напряженности в регионе, которая может повлечь за собой миграцию населения и соседних государствах, что может повлечь гуманитарную катастрофу. Россия пока придерживается позиции сторонника Асада и пытается играть роль посредника при переговорах властей и оппозиции. Пока это ни к чему существенному не привело. В Совете Безопасности ООН Россия блокирует резолюции, осуждающие действия сирийских властей.

Итак, на сегодняшний момент Россия пытается проводить политику, направленную на урегулирование текущих конфликтов и закрепление отношений с политическими силами, играющими сейчас основную роль в регионе. Относительно взглядов России на демократизацию данного региона, можно сделать вывод, что точка зрения официальных властей такова: демократические процессы в политической, экономической и социальной жизни необходимы, но желание этих перемен должно исходить изнутри, а попытки внешнего воздействия, даже с позитивными целями, могут внести дисбаланс в обстановку в стране и в регионе.

Библиография:

- Altan-Olcay, Ozlem; Icduygu, Ahmet. *British Journal of Middle Eastern Studies*. Aug. 2012, Vol. 39 Issue 2.
- Al-Rasheed, Madawi. *Middle Eastern Studies*. Jul. 2012, Vol. 48 Issue 4.
- Democratization in the Middle East and 'Could Turkey be a Model' Dispute: «Yes, But!». (English). By: Oguzlu, Tarik. *Middle Eastern Analysis / Ortadogu Analiz*. 2011, Vol. 3 Issue 27.
- Харитоновна О.Г. Генезис демократии (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей) // *Полис*. 1995. № 5. С. 70--79.
- Мельвил А.Ю. Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты. М., 1999.
- Linz J., Stepan A., *Problems of Democratic Transition and Consolidation*. – Baltimore, London, 1996.
- Манойло А.В. Технологии управления политическими конфликтами в революциях на Ближнем Востоке и в Северной Африке. *Политэксп (Политическая экспертиза)*, 8(1):131–154, 2012.
- Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова руководителю авторской программы «Актуальный разговор» телекомпании «3 канал» В. Соловьеву // Сайт МИД РФ, 13.03.2011. Режим доступа: http://www.mid.ru/bdomp/Brp_4.nsf/arh/E35AC8110082ABCBC3257852004AF20E?OpenDocument
- Наумкин Виталий. Снизу вверх и обратно. «Арабская весна» и глобальная международная система // *Россия в глобальной политике*, 02.08.2011. Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Snizu-vverkh-i-obratno-15277>
- Кляйн Маргарете. Россия и «арабская весна»: внешне- и внутривосточные задачи // *SWP-Aktuell*, 04.01.2012. P.5. Режим доступа: http://www.germania-online.ru/uploads/media/swp_arabischer.ru.pdf
- Габуев Александр, Соловьев Владимир. Россия гнет свою Ливию // *Коммерсантъ*, 21.03.2011.

References (transliteration):

- Altan-Olcay, Ozlem; Icduygu, Ahmet. *British Journal of Middle Eastern Studies*. Aug. 2012, Vol. 39 Issue 2.
- Al-Rasheed, Madawi. *Middle Eastern Studies*. Jul. 2012, Vol. 48 Issue 4.
- Democratization in the Middle East and 'Could Turkey be a Model' Dispute: «Yes, But!». (English). By: Oguzlu, Tarik. *Middle Eastern Analysis / Ortadogu Analiz*. 2011, Vol. 3 Issue 27.
- Haritonova O.G. *Genezis demokrati (Popytka rekonstrukcii logiki tranzitologicheskikh modeley)* // *Polis*. 1995. № 5. S. 70--79.
- Mel'vil' A.Yu. *Demokraticheskie tranzity. Teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty*. M., 1999.

6. Linz J., Stepan A., Problems of Democratic Transition and Consolidation. – Baltimore, London, 1996.
7. Manoylo A.V. Tehnologii upravleniya politicheskimi konfliktami v revolyuciyah na Blizhnem Vostoke i v Severnoy Afrike. Politeks (Politicheskaya ekspertiza), 8(1):131–154, 2012.
8. Naumkin Vitaliy. Snizu vverh i obratno. «Arabskaya vesna» i global'naya mezhdunarodnaya sistema // Rossiya v global'noy politike, 02.08.2011. Rezhim dostupa: <http://globalaffairs.ru/number/Snizu-vverkh-i-obratno-15277>
9. Klyayn Margarete. Rossiya i «arabskaya vesna»: vneshne– i vnutripoliticheskie zadachi // SWP-Aktuell, 04.01.2012. P.5. Rezhim dostupa: http://www.germania-online.ru/uploads/media/swp_arabischer.ru.pdf
10. Gabuev Aleksandr, Solov'ev Vladimir. Rossiya gnet svoyu Liviyu // Kommersant', 21.03.2011.